моск. правда. - 1994. - 7 апр. - с. 3

«Фраза... доступная бедным»

Ну кто, скажите на милость, не знает теперь Зощенко? Да и не только теперь, а с самого что ни на есть 1921 года, когда был напечатан первый его рассказ? Все знают. Даже если и не читали, то обязательно слышали с эстрады, по телевидению, по радио. Слышали и слушали, невообразимо, до слез хохоча как от описанных ситуаций, так и от самого языка. Помните «аристократку», которая в театре «развернула свою идеологию во всем объеме» перед разнесчастным Григорием Ивановичем, после чего он вынужден был признаться: «Я, братцы мои, не люблю баб, которые в шляпках. Ежели баба в шляпе, ежели чулочки на ней фильдекосовые, или мопсик у ней в руках, или зуб золотой, то такая аристократка мне и не баба вовсе, а гладкое место». А из-за чего все получилось, из-за чего сыр-бор поднялся, из-за чего трагедь разыгралась? Может, из-за пирожных, которые дама стала неосмотрительно есть в непредвиденных количествах; может, из-за тощего кошелька героя; а может, и из-за того, что гусь, как говорится, свинье не товарищ, но об этом желательно знать с самого начала знакомства, а не под венец.

Простенький такой, смешной рассказец, шедевр повседневной простоты. Ну предложил Григорий Иванович съесть пирожное даме, так ведь для приличия предложил. А она что? «Вдруг подходит развратной походкой к блюду и цоп с кремом и жрет». И так - целых три! Герой уж «намекает»: «Натощак - не много ли? Может вытошнить». А она что, поняла его тонкие намеки, его движения души? Как бы не так! «Нет, - говорит, - мы привыкшие. - И берет четвертое». Тут-то и прозвучал нечеловеческий вопль Григория, который продолжает с 1923 года звучать то там, то здесь: «Ложи, - говорю, - взад!»

Дама, понятное дело, обиделась. Почему-то потом, после спектакля. А герой, соответственно, на даму обиделся - не столько из-за расходов, сколько из-за ее «аристократического» поведения.

Грустная история. Но ведь - смешно! Загадка юмора. Тайны сатиры.

И когда я читаю в мемуарах зощенковских современников, что автор «Аристократки», «Опасных связей» и «Бани» в жизни был грустным, неразговорчивым человеком, то верю этому сразу, без особых доказательств. Потому что это ж какое надо иметь здоровье и какую психику, чтобы веселиться, нося в себе ТАКИХ героев! (Уж не говорю здесь, да и, признаться, не хочу сегодня говорить о прочих, более серьезных поводах для «грусти» писателя, в чем только не обвиненного в печально известном партийном постановлении).

Сейчас к нескольким зощенковским «избранным» добавляется еще одно. И, перечитывая в этой связи его рассказы и фельетоны, повести и предисловия, обращаю внимание не только на их удивительную, уникальную особенность оставаться по сей день современными, но и на тот знаменитый зощенковский стиль, который делает смешным даже то, что на смех (по крайней мере явный) вроде бы и не рассчитывалось.

По поводу современности... Возьмите хотя бы предисловие к четвертому изданию «Сентиментальных повестей». Апрель 1929 года. «В силу прошлых недоразумений писатель уведомляет критику, что лицо, от которого ведутся эти повести, есть, так сказать, воображаемое лицо. Это есть тот средний интеллигентский тип, которому случилось жить на переломе двух эпох. Неврастения, идеологическое шатание, крупные противоречия и меланхолия - вот чем пришлось наделить нам своего «выдвиженца»... Сам же автор - писатель М.М.Зощенко, сын и брат таких нездоровых людей, - давно перешагнул все это».

Не знаю, как вы, а я сейчас с особой ясностью вижу именно на «переломе двух эпох», которым вновь наказала нас судьба - зощенковского героя. В трамвае, в метро, в магазине. Все та же в нем «неврастения», все те же «крупные противоречия и меланхолия». И даже, если хотите, «классовая злость» все та же: бедных - к неожиданно разбогатевшим; разбогатевших - к интеллигенции с ее красивыми, но непонятными словами и странной

манерой говорить «Вы», а не «ты» и т.д. Наверное, потому так, что Зощенко не человека списывал с действительности, а исследовал именно тип отношений. Люди живут, стареют и умирают, а отношения, диктуемые «эпохами», достаются «по наследству» одному поколению от другого. И изменение их - дело не одного десятка лет.

Это о современности прозы Михаила Зощенко и о том, что по сей день она нужна не только как хорошая литература, но и как проверенное лекарство.

Теперь по поводу знаменитого зощенковского стиля. В детстве многие из нас читали известные «Рассказы о Ленине», написанные Михаилом Зощенко в 1940 году. Всего их шестнадцать - таких небольших, незамысловатых рассказцев, каждый из которых построен на отдельном сюжете. Соответственно вождь мирового пролетариата предстает в них добрым, справедливым, мудрым, любит детей и не лезет без очереди к мастеру в парикмахерской. Не помните? «О том, как Ленин бросил курить», «О том, как Ленин перехитрил жандармов», «О том, как Ленину подарили рыбу», «О том, как тетушка Федосья беседовала с Лениным», «Ленин и печник» и т.д. Так вот, рассказы существовали долгие годы, печатались, читались. Их изучали в школе, обсуждали с учениками. В учебниках к ним давались «проверочные вопросы». Короче, целые поколения были знакомы с ТАКИМ образом и с ТАКИМ стилем. Образ считался, понятное дело, серьезным, а стиль - именно «детским», «доходчивым», «простым». Недавно я прочитал вслух несколько рассказов из этого цикла в одной редакции. И ушел озадаченным. Чем был вызван долгий, искренний смех? Тем, что уже НАСТРОИЛИСЬ на Зощенко? Или все же именно стилем, его необычностью, колоритностью, неусредненностью даже тогда, когда речь шла о столь значительной фигуре? Или - нашим изменившимся отношением к образу Ленина? Или... Не знаю, но факт остается фактом - смех или хотя бы улыбка сопровождают почти все произведения Михаила Зощенко.

Если у вас нет сейчас под рукой «Рассказов о Ленине», я напомню начало одного из них.

«Когда Ленину было двадцать шесть лет, он уже был всем известный революционер, и царское правительство боялось его как огня.

Царь велел посадить Ленина в тюрьму.

И Владимир Ильич просидел в тюрьме четырнадцать месяцев.

А после этого жандармы выслали его в Сибирь. И там, в Сибири, Ленин прожил в деревне целых три года.

А это была глухая деревушка. Она стояла в тайге. И ничего хорошего там не было. Там протекала небольшая речонка Шушь. И там, в тайге, деревья были невысокие, совсем не такие, как у нас.

Но Владимир Ильич не огорчался, что его сослали в такую глушь».

Вспомнили? Ну да, конечно же. И ведь в голову не приходило улыбаться - тогда. Наверное, потому, что прежде всего это были рассказы о Ленине, а уж потом - что их написал Зощенко. Теперь - наоборот. Узнав, что строки принадлежат перу Зощенко, слушатель уже выискивает в них нечто парадоксальное. Это нелегкий крест - годами создаваемый и созданный в сознании аудитории определенный «имидж». Писатель, отдавший литературе почти четыре десятилетия, нес сей крест большую часть своего творческого пути, начиная с двадцатых годов, когда стал печаться в «Смехаче», «Бузотере», «Бегемоте», «Чудаке» и других тогдашних популярных журналах.

... В следующем году Михаилу Михайловичу Зощенко - сто лет. Даже не верится. Часто говоря о нем как о замечательном сатирике, многие, увы, забывают о таких его крупных вещах, как «Возвращенная молодость», «История одной жизни», «Голубая книга». Даст Бог, к юбилею их издадут еще раз. И из какой-нибудь вступительной статьи внимательный читатель еще раз узнает об удивительном человеке, который учился в Петербургском университете и хотел стать юристом; который с 1915 года воевал и был ранен; который был начальником почт, пограничником, командиром пулеметной команды, агентом уголовного розыска, милиционером, сапожником, помощником бухгалтера, и даже - инструктором по кролиководству и куроводству... Это не весь «послужной список». Но и он помогает понять истоки зощенковских героев. Они - не «из пальца», они - из виденной писателем жизни, из его жизни. Так же, как и произведения на фронтовую тему - из его жизни, хотя военные годы писатель провел в Алма-Ате. Они вызывали смех в среде военных, и, как потом писал в первый послевоенный год о рассказах Зощенко Юрий Герман, этот «смех оказался сильнее той психической атаки, которая тянулась уже четвертые сутки».

Многое пришлось перенести этому человеку за шестьдесят три года жизни: от бедности (восемь детей в семье) до славы, до опалы, до читательской любви.

Когда-то Зощенко сам говорил о своем стиле и языке так: «Я пишу очень сжато. Фраза у меня короткая. Доступная бедным. Может быть, поэтому у меня много читателей».

Что ж, число бедных, кажется, не уменьшается. Значит, и с этой точки зрения, зощенковских читателей не убавится. Но это уже грустный юмор. А думая о Зощенко, не хочется говорить о грустном.

Иван ПАНКЕЕВ.